

Яков Шехтер
Эстафета

– Сталину не нужны были раввины. Сталину были нужны солдаты!

Гриша резким движением распечатывал пачку одноразовых пластиковых скатертей и яростно застилал столы. Он походил на маленького кота с безжалостно отстриженными усами. Словно компенсируя их недостаток, снежная щетина щедро топорщилась из морщинистых щек, кустистые брови нависали над глазами. Даже из носа торчали пучки седых волос.

Ему было изрядно за семьдесят, и он подрабатывал в нашей синагоге помощником старосты. Подготовить столы к общественной трапезе в субботу, убрать мусор, расставить книги по местам. Мелкая суета, за которую платили смешные деньги. Но приобретенный советской властью к бедности, Гриша всегда искал, где заработать живую копейку.

Каждое утро он приходил раньше всех и отпирал дверь в синагогу.

– А, Гриша, ты опять первый, – снисходительно шутили прихожане.

– Нет, – отвечал солдат Сталина, указывая пальцем вверх. – Он уже здесь, так что я второй.

Изъяснялся Гриша на смачном литовском идише. Иврит за тридцать лет в Израиле он так и не удосужился выучить, кроме, разве что, самых простых слов. А зачем? Ему вполне хватало идиша и русского.

Я иногда помогал ему, заодно расспрашивая о прошлом. Честно говоря, жизнь солдата Сталина меня мало интересовала, воп-

росы я задавал из милосердия, как сейчас понимаю, полностью лживого. Мне представлялось, будто старики любят поговорить о себе и всегда ищут свежие уши. А Гриша сразу уловил лживость, и, вероятно, поэтому делился весьма неохотно.

Солдат так бы и остался периферийным персонажем на сцене моей жизни, если бы не один случай. Раввин, с которым мы каждую субботу перед началом молитвы учим страницу-другую из старых книг, в то утро почему-то не пришел. Я заглянул в маленький зал, где обычно проходило общественное застолье. Гриша расставлял одноразовые тарелки, и я взялся ему помогать. Он бы прекрасно справился сам, но принял мою помощь с благодарностью. Честно признаюсь, в тот момент я ощущал некую гордость за себя самого, за свою помощь старому человеку. Самодовольный идиот!

Стеклянная банка с томатным соусом от моего неловкого движения съехала на край стола и накренилась. Я невольно затаил дыхание, представив, как, свалившись на каменный пол, она разлетается вдребезги, усеивая пол десятками мелких осколков, а брызгами пунцового соуса только что выбеленные стены.

И тут случилось чудо, то есть нечто идущее вразрез с привычными законами бытия. Банка, накренившаяся на угол, существенно превышающий сорок пять градусов, вместо того чтобы продолжить падение, вдруг выпрямилась и, чуть отъехав от края, замерла как ни в чем не бывало.

Я резко обернулся и успел заметить пристальный взгляд Гриши, устремленный на банку. В то же мгновение он погасил глаза и принялся с прежним простецки-престарелым видом вытаскивать пачки крекеров из большой картонной коробки.

– Гриша, – спросил я, – что это было?

– Что? – он поднял на меня честно недоумевающее лицо.

– Банка. Ты взглядом остановил ее падение, выровнял и отодвинул от края.

– Заметил-таки, – недовольно произнес Гриша.

– Научи меня. Пожалуйста!

– Этому невозможно научить.

– А откуда ты умеешь?

– Как-нибудь расскажу, – он повернулся и вышел.

Дождаться пришлось долго. В один из сумрачных зимних дней, когда дождь безжалостно хлестал по окнам синагоги, я пришел на вечернюю молитву. Смеркалось, прихожане, напуганные дождем, собирались медленно. Большой зал заливал яркий свет люстр, а мне хотелось посидеть в тишине и полумраке.

В маленьком зале уютно потрескивал кондиционер, испуская животворное тепло. Гришу я заметил не сразу. Он устроился на стуле между шкафов и тихонько сидел, дожидаясь завершения молитвы. На сегодня ему оставалось подмести, протереть столы, погасить свет и запереть синагогу.

Помогли шум дождя, полумрак, тепло и уют. Гриша заговорил.

– Отец разбудил. Мне было десять лет, перед войной, русские уже пришли. Мы жили в местечке под Вильно, две трети евреев, поляки и литовцы. Дружно жили, мальчишками гоняли мяч на пустыре за околицей, мешая идиш, польский и литовский.

Отец потащил меня в поле за тем самым пустырем, подвел к озерку и велел окунуться восемнадцать раз. Середина ночи, луна огромная, круглая, как футбольный мяч.

– И попей воды, как можно больше попей.

На пустыре я проводил целые дни, без усталости сражаясь в футбол, и никогда не замечал на поле никакого озерка. Но оно было, и я, выполняя указание отца, послушно разделся и залез в воду. Холодная, аж зубы застучали. Потом мы пошли в синагогу и до утра читали псалмы.

– Постой, Гриша! – воскликнул я. – Почему же ты говоришь, что не знаешь иврита, если до утра читал псалмы?!

– А я забыл, – невозмутимо ответил Гриша. – Целая жизнь прошла. Столько в нее вместились, что для иврита просто не хватило места. Так вот утром после молитвы я вместо завтрака побежал на поле, удостовериться, что озерко на месте. А его там не было. Не было – и все. Хоть тресни. Я поле обежал вдоль и поперек. И ничего, никаких следов озерка.

Не могло мне такое присниться. Одежда еще сырой оставалась после ночного купания. Я к отцу – объясни. Он слово с меня взял, что никому не расскажу. Эх, где отец, где мое слово, где вся та наша жизнь?

Гриша замолчал. Я тоже молчал, не решаясь нарушить тишину. Тяжело ударил гром. Белая молния осветила окна.

– Это был колодец пророчицы Мирьям, сестры Моисея. В пустыне он сорок лет шел за евреями, снабжая водой. А потом исчез. В книжках написано, будто колодец скрылся в Кинерете. Лет сто назад его еще можно было там увидеть. Отец сказал, что время от времени он выходит из озера и путешествует между поселениями, где живут евреи. В ту ночь колодец оказался возле нашего местечка. Вот как я воды из него попил, да окунулся восемнадцать раз, со мной такое и стало происходить. Понимаешь?

Я вежливо поблагодарил и перешел в большой зал. Когда такую историю передают от имени Бааль-Шем-Това или Алтер Ребе, со скрипом, но отворяешь в сердце дверку доверия. В устах сталинского солдата Гриши она звучала фарсом, насмешкой, анекдотом. Если бы я своими собственными глазами не видел, как Гриша остановил падающую банку с соусом, просто бы отмахнулся от его рассказа. Но банка осталась на столе, и с этим ничего нельзя было сделать.

Человеческое подсознание очень ловко умеет выпутываться из подобного рода тупиковых ситуаций. Сам того не замечая, я попросту забыл о рассказе Гриши. Или сделал вид, что забыл, продолжив бег по эстафете проблем и забот. Одна неприятность передавала палочку другой, вместе с новым днем рождались новые заковырки и заморочки, и каждую надо было срочно распутывать.

Прошло несколько месяцев. Прошло? Нет, пронеслось, промелькнуло тенью птицы, протекло сквозь пальцы горячей водой ежевечернего душа. Гриша вдруг пропал. Я спохватился примерно через недели полторы после того, как он перестал приходить в синагогу.

– Старик приболел, – ответил староста. – Сомневаюсь, что вернется. А если и вернется, то уже не как мой помощник, я подыскал другого.

«Вот так вот оно так, – подумал я. – Реальность, в которой мы пребываем, кажется нам неизменной и вечной. Кажется, что и дальше будет точно то же, что сейчас. И только так. Иначе ведь не выжить, человек не может примириться с мыслью, что его когда-нибудь не станет, причем это «когда-нибудь» совсем

не за горами. Поэтому сознание играет с нами в такую игру, облачая каждый прожитый день в одежды вечности».

Гриша жил неподалеку, и я отправился его навестить. Дверь открыла сумрачная женщина и, подозрительно прищурив глаза, спросила:

– Вы к кому?

– Я к Грише, мы вместе молимся. Можно его увидеть?

– А... Сейчас спрошу отца. Заходите.

Оставив меня в гостиной, она ушла в боковую комнату, плотно прикрыв за собой дверь. Я огляделся. Обшарпанная дешевая мебель, часть еще из Союза. Чешские книжные полки, за стеклами собрания сочинений Фенимора Купера, Майн Рида, Достоевского. Стандартный набор подписных изданий. На одной полке вместо стекла красовалась некрашенная фанера и ушки для замочка. Я не удержался, отодвинул и заглянул.

Ого, раввинские респонсы, «Нефеш Ахаим», «Решит Хохма», книги по Каббале. Кто их читает, неужели Гриша?

Вошла дочка, поправляя сбившийся платок.

– Пожалуйста, заходите, папа ждет.

– Спасибо! Вы позволите один вопрос?

Она удивленно подняла брови.

– Чьи это книги на полке за фанерой?

– А-а, эти... Эти папины.

– Он их читает?

– Конечно. С утра до утра. Чем ему еще заниматься? Он же на пенсии.

Я медленно двинулся в комнату, краснея на ходу от стыда. Вот тебе и дедуля-простачок, вот тебе и солдат Сталина. Скрытый праведник, вот кто такой наш Гриша! Может статья, даже ламедвовник. Я о таких людях только в книжках читал, мне и в голову не могло прийти, будто праведник подметает пол в синагоге и выносит мусор после общественной трапезы. Впрочем, обычно чудеса так и происходят.

– Ребе Гирш, – сказал я, усаживаясь возле постели, – хватит притворяться.

– Ты это о чем? – с искренним недоумением спросил ребе Гирш. Он лежал, облаченный в пижаму, явно привезенную тридцать

лет назад. Такие сегодня можно увидеть только в старых советских фильмах.

– Да вот об этом, – сказал я, указывая на замочек от полки, забытый на столике у кровати. Книжки ребе Гирш успел спрятать.

– Ты и это заметил, – недовольно произнес ребе Гирш. – Глазастый.

Он помедлил минуту, а потом неожиданно улыбнулся.

– Ну ладно, оно и к лучшему. Раз догадался, так тому и быть!

– Как вы себе чувствуете, ребе Гирш?

– Соответственно возрасту, – снова улыбнулся он. – Болею вот. Говорят, мало осталось. Но я не жалею, жизнь я прожил длинную, интересную.

– Расскажите о себе, – попросил я. – Как вы всему научились?

– Тебя банка с соусом удивила, про нее спрашиваешь? – прищурился скрытый праведник. – Я же говорил, такому не учатся. Оно открывается в тебе само, а дальше думай, что с ним дальше делать. Банка ерунда, мелочь. Я ведь пулю от себя отвел во время расстрела.

Он выжидающе поглядел на меня, ожидая реакции. Но я уже ничему не удивлялся, дверца доверия распахнулась, и в сердце могла проникнуть любая небылица, вернее, то, что считалось таковой при закрытой дверце.

– Немцы вошли в наше местечко двадцать пятого июня. Через неделю собрали на площади всех мужчин, забрали отца и старшего брата и куда-то угнали. Больше их никто не видел. Меня мать спрятала, мне было одиннадцать, но выглядел я старше.

А спустя месяц забрали всех нас. Женщин, стариков, детей. Повели в рошу, к карьере, где добывали гравий. Мы стояли в очереди и слышали выстрелы. Все было понятно. Когда подвинулись ближе, увидели расстрел. Они ставили по пять-шесть человек на край ямы и залпом сбивали вниз.

На меня навалилось оцепенение, словно у мухи в паутине. Вижу, понимаю, а двинуться не могу, тело стало ватным. Впрочем, даже если б я и захотел, делать было нечего.

Под деревом стоял стол, на нем канистра со спиртом, полицаи пили, сколько хотели. Наверное, чтобы страх заглушить или человека в себе растоптать, иначе ведь не выдержишь. Чуть что –

били прикладами. Страшно били. Одна девочка сильно плакала, ей проломили голову, я видел, как мозг брызнул. Отволокли за косы и сбросили вниз.

Меня поставили перед ямой, грянул залп, я увидел, нет, почувствовал пулю и отбил, точно теннисист мяч. Не знаю, как, не могу объяснить, само вышло. Все мои силы на это ушли, ноги подкосились, я упал вместе с остальными и притворился мертвым. На меня сверху валились и валились, текла горячая кровь. Так я пролежал несколько часов, до окончания расстрела. Самые страшные часы в моей жизни.

В яме не было тихо. Предсмертные стоны, хрипы, звуки, которые издает душа, покидая тело. Иногда одинокий выстрел. Я не понимал, что это, ведь расстрел уже закончился. Спустя два часа стал выкарабкиваться. Ох, как тяжело! Вылез, а на краю ямы стоит полицай.

– Живой, значит, – и ослабил нехорошо так. – Добро пожаловать на тот свет!

Он поднял винтовку. Тогда я понял, что это были за одиночные выстрелы. Видимо, раненые выбирались из-под трупов, а он их приканчивал.

– А ты меня не видишь, – вдруг сказал я полицаю. – Отвернись и иди на другой конец ямы.

Он послушно повернулся и ушел. Я выбрался наружу и что есть силы пустился наутек. Через три недели я отыскал партизан в Рудницких лесах и прибил к ним.

Меня посылали на самые опасные задания. Что я говорил, то все и делали: и полицаи, и немецкие офицеры, и даже эсэсовцы. Командир партизанского отряда прознал про мои необычные способности и доложил в центр. За мной прислали самолет. Фа-нерная этажерка, ПО-2. Знаешь, как на них летали?

Ребе Гирш сделал паузу, ожидая моего ответа. Но я лишь пожал плечами: откуда мне знать, как летали на ПО-2? Похоже, наш разговор забавлял праведника.

– Перед линией фронта они поднимались на большую высоту, такую, что трудно становилось дышать, а потом выключали двигатель и бесшумно планировали десятки километров. Ночью их невозможно было ни услышать, ни увидеть.

В Москве прямо с аэродрома машиной прикатили в огромное здание, передали офицеру с малиновым кантом на фуражке и обшлагах рукавов. Он отвел меня в кабинет, посадил на табуретку, достал пачку бумаги и приказал рассказывать все без утайки. Ха-ха, мне он приказал!

А я ему велел записать меня в танковое училище и немедленно туда отправить. Он помедлил, словно раздумывая или колеблясь, а потом попросил документы. А какие у меня документы, справка о расстреле?

Ребе Гирш усмехнулся, взял со столика стакан воды и сделал несколько глотков.

– Сушит во рту, – пожаловался он. – Говорить трудно.

– Как же вас НКВД отпустило? – спросил я.

– Я сказал, что мне уже шестнадцать, и хочу воевать, – продолжил ребе Гирш. – «Еще повоюешь, – хмыкнул офицер. – А на шестнадцать ты не тянешь, комиссия не пропустит. Так что отправляйся в интернат на два года, а потом уже в училище. Но почему именно в танковое?» – Давить их хочу, сказал я.

Училище я окончил в сорок шестом, так что повоювать не успел. Направили меня для прохождения службы в Минск, ну, по дороге я заехал в свое местечко. Чужие люди в родном доме, чужие лица на улицах, ни одной вывески с еврейскими буквами. Словно и не жили мы тут никогда, словно сотни лет еврейской истории в Литве смыты бесследно.

Пошел я к яме, в которой должен был лежать. А там зеленая лужайка, небольшой холм, поросший травой. Птицы поют, тень от деревьев, солнечные пятна, свежий запах весны. Опустился я на землю, ближе к маме и сестренкам, и тут словно морок на меня навалился. Сплю и не сплю.

Отца увидел. Понимаю, не живой он, спрашиваю: папа, почему ты не спасся, почему пулю не отвел? Ты ведь тоже из того колодца воду пил! А он мне отвечает: газ не пуля, Гирш, от него не спрячешься. Ты вот что сделай. Поезжай в Вильно, найди большую синагогу, где Виленский Гаон молился. Ее еще не разрушили, только забором огородили. Найди его место, возьми свиток, прочти и носи с собой.

Подробно объяснил, как отыскать место, и попросил не откладывать, прямо сейчас и отправляться. Ну я и поехал. Оторвал

доску от забора, забрался вовнутрь. Место нашел быстро, только там никакого свитка и в помине не было, битый кирпич, мусор, обгорелые доски. Я уже решил уходить, когда заметил в стене щель между кирпичами, прямо там, где когда-то была спинка кресла Гаона.

Раздвинул я ножом кирпичи и вытащил тоненький свиток, один лист пергамента, скрученный в трубочку. Развернул, прочитал, и все во мне перевернулось от этих слов. Сила появилась, страшная, большая сила.

– И что же вы делали с этой силой, ребе Гирш? – не удержался я от вопроса.

– А ничего. Сила приходит вместе со знанием. А чем больше знаешь, тем лучше понимаешь, что все делается правильно, и вмешиваться ни во что не нужно.

– А как же праведники? Они ведь вмешивались, да еще как.

– Так то праведники... А кто я? Выпускник танкового училища.

Ребе Гирш вздохнул и снова приложился к стакану с водой. Ему было трудно говорить.

– Дальше нечего рассказывать. Ничего интересного, обычная жизнь. Вот, приехал в Израиль, с хорошими людьми познакомился, книжки стал читать интересные.

– Да ладно вам, ребе Гирш. Неужели вы так ни разу и не использовали полученную силу?

– Один раз было. Во время первой войны в Персидском заливе. Когда Саддам Хусейн «Скадами» нас обстреливал. Тогда еще толковых ракет-перехватчиков не существовало, а от американских «Патриотов» толку было мало. Хусейн пусковые установки прятал в пещерах, их выкатывали за час до залпа. По радио и телевизору сокрушались, что эти установки обнаруживают с опозданием, и американские ВВС не успевают их уничтожить. Ну, и я решил помочь.

Пошел в наш генштаб. Он в Тель-Авиве находится, в самом центре города.

– Знаю, ребе Гирш, знаю.

– Часовой на входе пропуск попросил. Я ему велел офицера позвать, а офицера попросил отвести меня к начальнику генерального штаба. Начальника не оказалось, меня принял его замес-

титель, высокий такой еврей с красным от гнева лицом. Больше всего его интересовало, как я к нему попал.

Ну, я ему предложил за два часа до обстрела указывать точное расположение ракетных установок, которые Саддам Хусейн выводит на позиции старта. Он меня внимательно выслушал, записал адрес и телефон и пообещал, что в ближайшее время со мной свяжутся. Не посмеялся, не унизил, а так вежливо и аккуратно меня завернул.

Связались? Как же! Знаешь, в чем отличие израильской бюрократии от русской? Российский чиновник сразу закатывает тебе оплеуху и посылает на хрен. Израильская система проволочек похожа на резиновую стену. Она мягко принимает тебя, поддается, а потом так же мягко выкидывает обратно, причем куда дальше, чем ты был до начала процедуры.

Разумеется, никто ко мне не обратился, и тогда я во время ракетных атак, после сирены, когда весь Израиль забивался в герметизированные комнаты, стал делать кое-что. Один-единственный раз в жизни. В итоге 39 ракет упали на Тель-Авив, но ни один человек не погиб.

Ребе Гирш снова схватился за стакан и жадно прильнул к его холодному краю. Я понял, что пора уходить. Мы распрощались очень тепло, ребе Гирш взял с меня обещание приходить еще.

Выйдя на улицу, я полчаса бродил как очумелый, не в силах отыскать дорогу домой. Не понимая, что происходит, не зная, как на все это реагировать. Разговор представлялся мне то Божественным откровением, то бредом сумасшедшего. Здравый смысл отказывался принимать участие в дальнейшем.

«Хорошо, – сказал я себе. – Давай обойдемся без выводов и решений. Поживем с этим недельку, а потом наведаемся еще раз к скрытому праведнику или явному сумасшедшему. Там видно будет».

Спустя десять дней я снова стоял у входной двери в Гришину квартиру.

– А папы нет, – сказала дочка, откровенно не собираясь пускать меня внутрь. – Улетел в Америку.

– Как в Америку? Ему стало лучше?

– Да, он поправился. А в Америке у него сын от первого брака и большая семья. Внуки, правнуки.

– А когда он вернется?

– Он не вернется. Он теперь там будет жить. А вам он просил передать, чтобы вы его не искали. Он сам напишет, если будет нужно.

Прошло несколько лет. Я почти забыл эту историю. Попутно и как-то само собой выяснилось, что Гаон никогда не молился в большой синагоге Вильны, у него был маленький клойз, который для него выстроил богач, похороненный рядом с ним, а самолеты ПО-2 не летали в Рудницкие леса. Видимо, Гриша все это придумал. Скорее всего, он был большим фантазером и замечательным артистом и поймал меня на удочку своего таланта. А банка с томатным соусом... ну что ж, всякое бывает на свете, невозможно из-за одного непонятого эпизода перелопачивать всю картину мира.

Прошлой осенью я получил посылку из Америки. От ребе Гирша. В посылке лежали записка и картонная коробка. Сначала я прочитал записку.

«Здравствуй, Янкл. Если ты читаешь это письмо, значит, меня уже нет в живых. Посылаю тебе подарок. Он тебя не очень порадует. Но делать нечего, раз ты прикоснулся к палочке, будь любезен принимать эстафету. Когда придет твой час, отыщи того, кому сможешь ее передать».

Я открыл коробку. В ней лежал тоненький свиток, один лист пергамента, скрученный в трубочку.

Тель-Авив

